

*Этнос и общество**Ethnicity and society*

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ETHNOSOCIAL PROCESSES IN SIBERIA: TOPICAL ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Юрий В. Попков

Институт философии и права
Сибирского отделения
Российской академии наук

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences

В статье обобщаются результаты проводимых под руководством автора представителями Новосибирской научной этносоциологической школы многолетних теоретических и эмпирических исследований этносоциальных процессов в Сибири и сопредельных регионах. Используются материалы организованного в 1999–2001 гг. экспертного опроса по оценке состояния и тенденций этносоциального развития отдельных народов Сибири (Тыве, Хакасии, Бурятии, Алтае и в Эвенкийском автономном округе) в 1990-е гг. (780 чел.), экспертного и массового опросов 2013–2014 гг. по вопросам этносоциального развития и этнонациональной политики в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Новосибирской области и Республике Алтай (всего более 2 тыс. чел.), экспертных опросов (2011–2016 гг.) представителей государственных (региональных) и муниципальных органов управления из разных регионов Сибирского федерального округа по диагностике этносоциальной ситуации и оценке актуальных вопросов текущей этнонациональной политики (всего более 120 чел.).

The article brings together the outcomes of a number of studies conducted by the Novosibirsk school of ethnosociological research and led by the author. For many years, the school has been involved in theoretical and empirical research of ethnosocial processes in Siberia and neighboring regions. In this article, we also make use of an expert survey on assessing the state and trends in ethnosocial developments of peoples of Siberia during the 1990s (Tuva, Khakassia,

Buryatia, Altai and Evenk Autonomous Okrug; the survey was held in 1999–2001 and covered 780 participants); expert and mass survey on ethnosocial development and ethnosocial policy held in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Novosibirsk Oblast and Altai Republic in 2013–2014 (over 2000 participants); and expert surveys of civil servants on the regional and municipal levels in various regions of the Siberian Federal District (2011–2016, 120 participants were asked to assess the ethnosocial situation in their region and the current ethnonational policy).

Ethnosocial processes are to be understood as a

Этносоциальные процессы интерпретируются не

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе и заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

Popkov Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Deputy Director for Research, Head, Sector of Ethno-Social Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaeva st., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

как взаимосвязь социальных и этнических процессов, а как система трансформации взаимодействующих этносоциальных субъектов. Этносоциальные процессы не тождественны этносоциальным изменениям, а представляют собой единство устойчивости и изменчивости в разных своих проявлениях, в том числе в рамках их «вертикального структурирования»: от этноэкологических и этнодемографических процессов до этнополитических и этноправовых.

Показано, что отдельный этносоциальный процесс следует выделять и дифференцировать не по этническому или социальному основаниям, а по территориальной локализации. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального сообщества, которое бывает, как правило, не моноэтническим, а полиэтническим, межэтническим. Его развитие определяется взаимодействием конкретных этносоциальных субъектов. Описание этносоциального процесса, следовательно, должно включать анализ взаимосвязанного развития ряда этносов (этнических групп), составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество.

Обобщение результатов конкретных исследований позволило выделить характерные для 1990-х гг. негативные тенденции этносоциального развития народов Сибири: ренатурализация хозяйства (тенденция формирования экономики примитивного выживания в качестве основы существования), деградация села и его моноэтнизация, концентрация отдельных групп городского населения по этническому признаку, усиление социальных дистанций между представителями титульных и иных этнических групп по признакам представительства в органах власти, доступа к социальным благам и др.

Современная этносоциальная ситуация в Сибири характеризуется разной степенью остроты межрегиональных отношений в отдельных регионах, неблагоприятной динамикой этих отношений (которая стабилизировалась лишь в последние два года), миграционными процессами как одним из главных факторов напряженности, более низким уровнем благополучия в социальном самочувствии местного населения, прежде всего русских, по сравнению с приезжими, преимущественно недоброжелательным отношением принимающего сообщества к мигрантам. Обоснована важная роль органов власти и их престижа в формировании гражданского единства и общенациональной идентичности.

Ключевые слова: этносоциальные процессы; этнос; этническая общность; межэтническое сообщество; межэтнические отношения; миграция; Сибирь; народы Сибири; Тува; Алтай; Хакасия; Бурятия; Эвенкия; Югра; тувинцы; национальная политика

system of mutual transformation of ethnosocial subjects in the course of their interaction, rather than as simply a connection between separate social and ethnic processes. Furthermore, ethnosocial processes do not imply transformation only; they feature a balance between changeability and continuity under various guises, including their 'vertical structuring' from ethno-environmental and ethno-demographic issues to ethno-political and ethno-legal ones.

We have shown that a single ethnosocial process should be described and differentiated by its territorial location, rather than its ethnic or social basis. This allows us to represent the local community in its integrity. As a rule, it is rarely monoethnic, and frequently polyethnic or interethnic. The community develops through interactions between its ethnosocial subjects. Hence, any description of an ethnosocial process should include analyzing the intertwined development of a number of ethnicities (or ethnic groups) that all together make up the local (or regional) interethnic community.

By generalizing the outcomes of the empiric studies, we can single out the negative trends in the ethnosocial development of peoples of Siberia in the 1990s. These trends include the return to subsistence farming as the basis of survival, degradation and monoethnization of the countryside, ethnicity-based clustering in urban areas, increased social distance between ethnic groups on the basis of their representation in the institutions of regional and local power, as well as access to social benefits, etc.

Contemporary ethnosocial situation in Siberia can be described as a combination of such factors as various degrees of tension in interethnic relations in regions of Siberia, negative dynamics of these relations (although stabilized in last two years), migration as a major factor of tension, lower feeling of social security of permanent population, especially ethnic Russians, as compared to migrants, and the negative attitudes to migrants in host communities. We make a special focus on the role of authorities and their prestige for building the feeling of civil unity and national civic identity.

Keywords: ethnosocial processes; ethnicity; ethnic community; interethnic community; interethnic relations; migration; Siberia; peoples of Siberia; Tuva; Altai; Khakassia; Buryatia; Evenkia; Yugra; Tuvans; ethnonational policy

Введение

«Этнический бум», «этнический парадокс современности» «этнический ренессанс», — наиболее распространенные характеристики ситуации, связанной с ростом этнического самосознания и готовностью многих народов защищать ценности национальной (этнической) культуры и особые права на ее сохранение в условиях нарастания глобализационных процессов, которые неизбежно сопровождаются интеграцией, унификацией и массивификацией культур.

В то же время глобализация ведет к становлению не унифицированного и однородного, как это представлялось ранее, а внутренне различенного единства, в котором национальные (этнические) общности сохраняют себя в качестве измененных и обогащенных в процессе взаимодействия и взаимного влияния, но относительно самостоятельных образований. Формируемая в процессе глобализации новая системная целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия. Осознание данного факта привело к принятию на уровне мирового сообщества в лице его наиболее представительных организаций важных решений, среди которых отметим Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) и провозглашение в 2002 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития, который отмечается ежегодно 21 мая.

В рамках общей культурной сложности современного мира этнокультурная сложность имеет особое значение, поскольку возникающая в современных условиях напряженность межэтнических отношений рождает множество проблем, в том числе создающих реальную угрозу безопасности отдельных регионов и целых государств. Причем, такая ситуация обычно связана не столько с собственно этнокультурными, сколько с этносоциальными проблемами и недостаточной урегулированностью этносоциальных процессов.

Проблемы межэтнических отношений как важной составляющей этносоциальных процессов существуют практически во всех государствах, которые в той или иной степени являются полиэтническими. Как показал опыт, развитие демократии, научно-технического прогресса и модернизации на фоне глобализационных трендов не снимает вопросы этносоциального развития, а, напротив, часто обостряет их. Поэтому управление соответствующими процессами является важнейшей составляющей внутренней политики большинства современных государств. При этом наблюдается заметное изменение принципов, лежащих в его основе. Даже США, долгое время считавшими себя единой нацией, отказались от политики «плавильного котла», не справившегося с задачей «переплавки» расово-этнической многокультурности и создания единой гомогенной культуры, и перешли к идеологии «миски салата», которая исходит из признания наличия этнокультурного многообразия. Но серьезные проблемы самим этим фактом не преодолеваются. Об этом недавно красноречиво выска-

зался известный С. Хантингтон: «Пожалуй, величайшим сюрпризом будет, если США и в 2025 году останутся той же страной, какой были в 2000 году; а вот если Штаты превратятся в совершенно другую страну (или несколько стран) с совершенно иной государственной концепцией и национальной идентичностью, в этом не окажется ничего удивительного» (Хантингтон, 2008: 33–34).

Россия, пережившая распад СССР, в 1990-е гг. прошла испытание не только «шоковой терапией», либерализацией, кардинальными социально-экономическими и политическими трансформациями, но также обострением межнациональных отношений и существенными изменениями характера этносоциальных процессов. Относительная стабилизация этносоциальной ситуации в 2000-х гг. создала у органов власти иллюзию благополучия в данной сфере, которая развеялась после событий на Манежной площади в декабре 2010 г. Стало ясно, что этнонациональная политика и состояние тех процессов, которые она регулирует — важнейшая, требующая постоянного внимания и корректировки составляющая национальной безопасности России.

Острота этносоциальной ситуации различается в разных регионах страны. Сибирь отличается относительным благополучием. Тем не менее, изучение этносоциальных процессов в данном регионе представляется важным и с научной, и с практической точек зрения, поскольку Сибирь характеризует не только ресурсную и геополитическую доминанту России, но и пространство многовекового взаимодействия представителей разных народов (славянских, тюркских, угро-финских, монгольских, палеоазиатских и др.) и разных религий (христианства, мусульманства, буддизма, традиционных и новых верований). Здесь уживаются различные хозяйственные уклады и экономические структуры, традиционная и современная культуры, присутствуют все существующие в России формы территориально-административного устройства — республики, края, области, автономные округа. Поэтому результаты исследования тенденций в сфере этносоциального развития Сибири могут быть достаточно репрезентативными для всей России. Одновременно они должны стать основой для определения регионально обусловленных ориентиров этнонациональной политики, наряду с общестратегическими.

Содержащие в данной статье результаты во многом являются итогом обобщения теоретических и многочисленных эмпирических исследований, проводимых с начала 1990-х гг. под руководством автора представителями Новосибирской научной этносоциологической школы.

Понятие этносоциальных процессов

Несмотря на широкое использование в научном дискурсе понятия этносоциальных процессов, оно до сих пор не получило сколько-нибудь строго обоснования и часто употребляется несистемно, интуитивно. И это несмотря на

то, что еще тридцать лет назад главный специалист СССР в области этнической проблематики академик Ю. В. Бромлей посвятил этносоциальным процессам специальную монографию (Бромлей, 1987). Правда, стоит отметить, что в самой этой книге достаточной ясности по данному вопросу нет. Так, этносоциальные процессы он, с одной стороны, отождествляет с национальными процессами, с другой стороны, при их эмпирической характеристике ограничивается описанием того, что принято относить к этническим (а не этносоциальным) процессам: внутриэтнической консолидации, этнической ассимиляции, межэтнической интеграции, этнической конверсации. Собственно этносоциальные процессы в строгом смысле этого слова выделить и охарактеризовать не удалось. Показательно, что позднее в словаре «Этнические и этносоциальные категории» каждому из обозначенных этнических процессов посвящена отдельная статья, тогда как понятие «этносоциальные процессы» вообще не рассматривается (Этнические и этносоциальные категории, 1995).

Содержательная интерпретация понятия этносоциальных процессов до сих пор остается серьезной теоретической проблемой. Ранее нам вместе с Е. А. Тюгашевым уже приходилось ее обсуждать при рассмотрении концептуальных вопросов предмета этносоциологии (Попков, Тюгашев, 2009). Обратим внимание на наиболее важные аспекты этой темы.

Прежде всего, о понятии этносоциального. Наиболее распространенной является трактовка его как единства этнического и социального. Такое представление было исходным для отечественной традиции. Оно имело место, прежде всего, при обсуждении предмета этносоциологии, которая рассматривалась как пограничная научная дисциплина, изучающая «социальные процессы в этническом разнообразии и этнические процессы с учетом социального» (Дробижева, 2005: 14–15; см. также: Социальное и национальное ..., 1973).

Противопоставление социального и этнического неявно генерирует «асоциальное» понимание этнического, что нельзя считать оправданным. С позиций наук об обществе этносы (этнические общности), которые попадают в поле их зрения, безусловно, являются общественными «телами», воплощающими в себе тотальность социума, разных сфер общественной жизни. В этом отношении правомерно говорить об этносах как разновидностях локальных человеческих сообществ. Будучи внутренним моментом социального, этническое является также социальным. Поэтому некорректно говорить о взаимосвязи «этнического» и «социального» как внешнеположенных друг другу субстанций. Все этнические параметры являются «собственно социальными», в свою очередь социальные параметры фиксируются у конкретных этнических объектов.

Насколько оправданным в данном контексте является понятие этносоциального процесса? Казалось бы, если этническое есть модус социального, или, наоборот, если социальное есть интегральный эффект взаимодействия этнических субъек-

тов (этнического), то наблюдается излишнее удвоение субстанций. Вместе с тем образ этносоциального процесса как протекающего в рамках этноса социального процесса (то есть взятого в его этнической модальности) уже не представляется противоречивым. Это есть «микроскопический» этносоциальный процесс. Соответственно, в качестве «макроскопического» этносоциального процесса может рассматриваться целокупный социальный — всемирно-исторический — процесс, носителями которого являются этносоциальные субъекты, к которым можно отнести этносы (этнические общности), этнические группы и т. п. В этом случае можно говорить о развитии общества как этносоциальном процессе в масштабе Земли (см. подробнее: Попков, Тюгашев, 2009). Заметим, что одна из последних работ Ю. В. Бромлея, написанная вместе с Р. Г. Подольным, имеет характерное название «Человечество — это народы» (Бромлей, Подольный, 1990). Составляющие глобальный этносоциальный процесс конкретные подпроцессы (различного уровня и масштаба) могут быть эмпирически выделены, соответственно, посредством их локализации, т.е. привязки к ландшафтам.

В свое время евразийцы уловили «земной» характер культуры этнических общностей. В самом широком понимании изначально культура есть развивающееся единство ландшафта и этноса в их качественной специфике, взаимообусловленности и интегральности. Этническая культура объективируется в культивировании природы местообитания, в культурном ландшафте. Соответственно, каждый автохтонный этнос является субъектом месторазвития, а его представители — консолидированные местообитанием и солидарные в месторазвитии — носителями общей культуры, специфицирующей отдельный этнос по отношению к другим этносам.

Становление этнических общностей, их устойчивость и особенности определяются природно-ландшафтными предпосылками (разные естественные условия формируют различающиеся этнические культуры). В свою очередь их сходство и развитие обеспечивается благодаря социальным взаимодействиям (взаимодействиям с себе подобными), то есть внешним (межэтническим) взаимодействиям, в результате которых и формируется этническая социальность.

Вместе с тем обратим внимание на то, что отдельный этносоциальный процесс следует выделять и дифференцировать не по этническому или по социальному основаниям, а по территориальной локализации. Не случайно обычно говорят об этносоциальных процессах в отдельных регионах страны или мира. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального сообщества, которое под влиянием миграций бывает, как правило, особенно в современных условиях, не моноэтническим, а полиэтническим, межэтническим. Его развитие определяется взаимодействием конкретных этносоциальных субъектов. Описание этносоциального процесса, следовательно, должно включать описание взаимозависимого развития ряда этносов (этнических групп), составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество.

Всякое межэтническое сообщество есть продукт межэтнических взаимодействий. В свою очередь, последние, взятые не только функционально, но и генетически, то есть в развитии, следует рассматривать как некоторый процесс, в рамках которого взаимодействие этносоциальных субъектов является условием внутреннего развития каждого из них. Еще один важный вопрос — как понимать сам процесс. В свое время Ю. В. Бромлей при определении предмета этносоциологии, которая, по его убеждению и должна изучать этносоциальные процессы, говорил о задаче выявления особенностей этнических изменений в различных социальных группах и своеобразия социальных изменений в различных этнических средах, у конкретных народов (Бромлей, 1987: 161). Таким образом, процесс сводится у него к комплексу взаимосвязанных изменений, что не вполне корректно.

На самом деле этносоциальный процесс как целое есть единство изменения и покоя, изменчивости и устойчивости. Ограничивать этносоциальные процессы взаимосвязью этнических и социальных изменений значит исключать из него результаты этих изменений, в том числе и самих субъектов, межэтнические взаимодействия, межэтнические отношения, этносоциальные ситуации и т. п. Кроме того движение, зафиксированное как момент (покой), может, на наш взгляд, рассматриваться в качестве некоторого «тела». Поэтому «тело» правомерно интерпретировать как определенным образом организованный процесс, а процесс — как систему находящихся в движении «тел». Циклически повторяющийся этносоциальный процесс структурируется в иерархию внутренних и внешних по отношению к нему процессов (подпроцессов). Совокупность этих этносоциальных процессов в своем кругообороте составляют этносферу социума. В обществе как процессе этносоциального движения «телами» выступают этносы.

Таким образом, в рамках рассматриваемой темы реализуется представление об обществе как этносоциальном процессе, предполагающем взаимообусловленное, взаимозависимое развитие этнических общностей в составе межэтнического сообщества на разных уровнях организации — локальном, региональном, национально-государственном, а также цивилизационном и общемировом.

С учетом того, что этнос характеризует тотальность социума, а этническое пронизывает разные сферы общественной жизни, этносоциальные процессы в их «вертикальном структурировании» можно представить как образующее некоторую целостность множество подпроцессов — от этноэкологических и этнодемографических до этнополитических и этноправовых, о чем будет сказано далее.

Проблемное поле исследования этносоциальных процессов

Более двадцати лет представители Новосибирской научной этносоциологической школы очерчивают предметную область своих исследований понятием «этносоциальные процессы». Его выбор, изначально не имевший солидного теоретико-методологического обоснования и диктовавшийся исследовательской практикой, потребностью найти рамочное понятие для интеграции разноплановых по своей конкретной проблематике этносоциальных исследований в Сибири, в конечном счете, вполне оправдал себя. Базовым коллективом этой школы является сектор этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Помимо постоянных теоретических и эмпирических этносоциальных исследований мы в сотрудничестве с коллегами из разных регионов с 1996 г. проводим Международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири», материалы которого издаются в виде тематического сборника с одноименным названием (О секторе, Электр. ресурс).

Обобщая результаты проведенных за это время исследований, можно выделить следующую «вертикальную» структуру (составляющие) этносоциальных процессов — своеобразное проблемное поле рассматриваемой темы (каждый выделенный показатель имеется в виду в этносоциальном аспекте).

Этнодемографические и этномиграционные процессы:

- › динамика численности отдельных народов и этнических групп;
- › поло-возрастная структура;
- › уровень рождаемости, смертности, продолжительности жизни;
- › структура семьи, семейно-брачные отношения;
- › репродуктивные установки;
- › семейные ценности;
- › миграционные процессы и их влияние на разные стороны жизни межэтнических сообществ, включая расселение по этническому принципу.

Этноэкономические процессы:

- › традиционное природопользование и традиционное хозяйство в современных условиях;
- › экологическая культура;
- › существующие формы собственности;
- › новые формы хозяйства коренных народов и их влияние на трансформацию образа жизни;
- › рынок труда и проблемы занятости;

- › тенденции социально-экономического развития и их влияние на динамику межэтнических сообществ.

Социальное развитие:

- › этническая стратификация;
- › уровень и качество жизни различных этнических групп;
- › человеческий потенциал;
- › разделение труда по этническому признаку;
- › социальные последствия рыночных преобразований для представителей разных этнических групп.

Этнокультурное развитие:

- › этническое сознание и самосознание, этническая идентичность в системе идентичностей;
- › система ценностей и ценностных ориентаций;
- › этноязыковые процессы;
- › проблемы образования, этнопедагогики;
- › этносоциальные аспекты бытовой культуры;
- › этноконфессиональные процессы;
- › социальные аспекты фольклора, искусства;
- › актуальные нормативные системы, их взаимодействие.

Этнополитическое развитие и этноправовое регулирование:

- › государственная национальная политика;
- › особенности региональных моделей этнополитики;
- › формы национально-территориальной и национально-культурной организации этносов;
- › позитивное право в отношении народов;
- › обычное право;
- › правовое регулирование этносоциального развития;
- › этническая самоорганизация и самоуправление.

Национальные отношения:

- › этнические стереотипы (авто- и гетеростереотипы);
- › этническая комплементарность (симпатии — антипатии);
- › интернационализация и интернационализм;

- › межэтническая напряженность: формы, причины, факторы;
- › межэтнические конфликты;
- › способы разрядки межэтнической напряженности.

Очевидно, приведенный перечень не дает абсолютно полную характеристику этносоциальных процессов, но он позволяет составить представление о его наиболее значимых составляющих и задает содержательный вектор рассмотрения анализируемой темы.

Проблемы и тенденции этносоциального развития народов Сибири в 1990-е гг.

На этносоциальные процессы влияют многие факторы: общие мировые тенденции, экономическая и национальная политика государства, особенности регионального этнокультурного массива, миграционные процессы, исторический опыт совместного проживания разных народов на данной территории. В разные периоды они действуют неодинаково. Особое место в истории не только России, но и Сибири занимают 1990-е гг. Самыми мощными по силе своего воздействия на существующую ситуацию оказались политические и экономические факторы. Стимулируемые процессами вестернизации радикальные либеральные реформы этого периода проводились без учета цивилизационной специфики России и региональных этнокультурных особенностей. Будучи неоднозначными по своим этносоциальным последствиям, они породили проблемные и зачастую парадоксальные ситуации во всех сферах и на всех уровнях внутри- и межэтнических взаимодействий.

Прежде всего, обратим внимание на общие доминирующие тенденции развития, так или иначе проявляющиеся в Сибири, в отдельных ее регионах и у конкретных народов (Попков, Тюгашев, Костюк, 2006).

Для демографических процессов во многих регионах характерными стали депопуляция населения, его естественная убыль, особенно среди русских. Существенно снизились качество и уровень жизни вследствие обнищания населения, высокого уровня заболеваемости, алкоголизации, нервных, психических расстройств и др. Ухудшились показатели общего здоровья населения. Возник кризис семьи, выросло число разводов, повысился уровень внебрачной рождаемости, увеличилось количество неполных семей и незарегистрированных браков. Трансформировались базисные семейные ценности: при сохранении высокой значимости наличия собственных детей ослабевает стремление иметь мужа (жену), состоять в зарегистрированном браке (см. об этом, в частности: Гончарова, Савельев, 2004).

В экономической сфере на фоне постепенного формирования рыночных структур и роста предпринимательской активности населения, расширения внешнеэкономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья

произошла деградация производственной инфраструктуры многих промышленных, прежде всего высокотехнологичных, сельскохозяйственных и традиционных отраслей. Резко сократилось количество рабочих мест, увеличилось число безработных. Существенно снизился удельный вес работников квалифицированного труда в материальном производстве. При этом произошел рост числа работников сферы управления и органов правопорядка. Занятость значительной части местного населения сузилась по преимуществу до сферы традиционной хозяйственной деятельности — сбора дикоросов и заготовки сырья, охоты, рыболовства, скотоводства, часто в рамках натурального хозяйства. При неразвитых рыночной инфраструктуре и транспортной сети преобладающая часть сельского населения поставлена в условия самовыживания и натурального обмена. В то же время основная доля капитала сконцентрировалась в руках небольшой группы людей, произошла его криминализация. Тотальная приватизация привела к фрагментации экономических связей, росту экономической обособленности отдельных народов, этнических групп, семей.

В социальных процессах доминирующей стала тенденция усиливающейся стратификации, фрагментации и замкнутости отдельных социальных групп и индивидов. Одним из следствий затяжного экономического кризиса стало масштабное снижение не только степени занятости, но и денежных доходов, уровня и качества жизни большинства населения. В отдельных регионах Сибири у 2/3 жителей денежные доходы упали до уровня, не позволяющего оплачивать необходимые услуги и удовлетворять базовые потребности в приобретении продуктов питания, промышленных товаров. Массовым иллюзорным способом ухода от жизненных трудностей стал алкоголизм, который превратился в одну из наиболее острых социальных проблем.

В этнокультурных процессах наряду с ростом национального самосознания, усилением внимания населения к национальным языкам, культуре, истории народов, традиционным верованиям, активизацией деятельности национально-культурных общественных объединений получили распространение проявления национализма и сепаратизма, этнофобий и этноцентризма, национального нигилизма и нетерпимости.

Говоря о политических процессах, следует отметить, что характерные для первых лет реформ политическая активность, оживление национально-демократических движений, рост доверия к новой власти и определенный социальный оптимизм в отношении будущего своих народов сменились в конце XX в. глубоким разочарованием большинства населения политикой властей: усилилась политическая пассивность или агрессивность, во властных структурах произошло возрождение трайбализма и элементов авторитаризма. В отдельных регионах широкое распространение получило болезненное для постсоветского периода общественно-политическое явление — клановость во власти как отражение тенденции архаизации общественной жизни (см.: Ламажаа, 2010).

Конечно, не везде и не во всех сферах ситуация по преимуществу негативная. В ряде регионах во второй половине 1990-х гг. оживились традиционные отрасли хозяйства коренных народов (это наиболее ярко проявилось на Ямале, где, в частности, возросла, в отличие других регионов, численность домашних оленей), увеличились отчисления в местные бюджеты и расходы на социальную сферу, сохранение и развитие языков, традиционной культуры, искусства коренных народов. В сфере образования больше внимания стали уделять изучению этнической культуры и этнопедагогике. В большей степени это характерно для благополучных в экономическом отношении регионов. К ним принадлежат, как правило, те, основой специализации которых является добывающая промышленность, связанная с освоением месторождений нефти, газа и редких металлов. Прежде всего, это Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха (Якутия).

В то же время существуют примеры совсем иного плана. Для иллюстрации положения в экономической сфере приведем динамику производства основных видов промышленной продукции в Республике Тыва за 1990-е гг. (табл. 1). Эту динамику можно оценить как катастрофическую: почти по всем видам продукции показатели 2000 г. не превышают 5% от уровня 1990 г., а по некоторым принципиально важным для населения они не составляют и 1%.

Таблица 1. Производство важнейших видов промышленной продукции в Республике Тыва
Table 1. Production of most important industrial goods in the Republic of Tuva

Виды продукции	1990 г.	2000 г.	2000 г. в % к 1990 г.
Каменный уголь, тыс. т	1068	523	49
Асбест сортовой, тыс. т	135	2,2	1,6
Кирпич, млн шт.	45,3	1,2	2,6
Пиломатериалы, тыс. м ³	156,4	8,9	5,7
Трикотажные изделия	45,5	0,1	0,2
Обувь кожанная, тыс. пар	68	0,1	0,15
Мясо и субпродукты, тыс. т	10,1	0,5	5,0
Цельномолочная продукция, тыс. т	28,1	2,0	0,7
Колбасные изделия, т	2146	31	1,4

(Тува за 80 лет ... , 2001: 49).

О негативных тенденциях свидетельствуют не только цифры статистики, но и результаты наших социологических исследований. Так, в 1999–2001 гг. в республиках Тыва, Хакасия, Бурятия, Алтай и в Эвенкийском автономном округе

сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН под руководством автора вместе с коллегами из этих регионов был проведен опрос, задача которого состояла в выявлении мнения экспертов о состоянии и тенденциях этносоциального развития народов в 1990-е гг.

Использовались четыре группы показателей — социально-экономические (квалификация работающих, жилищные условия, состояние сельскохозяйственного/традиционного производства, занятость населения, денежные доходы), социально-демографических (уверенность в будущем, правонарушения, преступления, здоровье населения, пьянство, наркотизация), социально-политических (состояние межнациональных отношений, участие в управлении государством и в местном самоуправлении, отношение к федеральным и местным властям), социально-культурных (этническое самосознание, тяга к традиционным верованиям, развитие духовной культуры, знание национального языка, преподавание национального языка в школе, уровень общего и профессионального образования). Всего было опрошено 780 чел., в основном представителей политической и гуманитарной элиты, руководителей различных организаций. 80% экспертов — из титульных этносов обследованных регионов.

Почти по всем параметрам первых трех групп показателей эксперты дали крайне негативную оценку и лишь большинство показателей развития духовной культуры оценивались положительно. В целом, мнение экспертов достаточно адекватно отражает противоречивость происходящего, в частности разнонаправленность динамики материальных (социально-экономических, социально-демографических, социально-политических) и духовных составляющих этносоциальных процессов — соответственно деградацию первых и оживление вторых. Данное обстоятельство создает дополнительную негативную нагрузку на состояние внутреннего потенциала обследованных титульных этносов. Не случайно, исследование зафиксировало высокую степень озабоченности населения относительно перспектив своего развития: многие считали, что будущее их этносов находится под угрозой (исключение составили буряты).

Под влиянием проводимой в 1990-е гг. государственной экономической и национальной политики в регионах Сибири проявились многие негативные тенденции этносоциального развития, наиболее тревожными из которых можно назвать следующие:

- ренатурализация хозяйства как тенденция формирования экономики примитивного выживания в качестве основы существования больших масс населения;
- деградация села, массовое и неконтролируемое перемещение наиболее энергичной и способной части сельского населения в крупные населенные пункты, усиление моноэтничности села;
- концентрация отдельных групп городского населения по этническому при-

знаку;

– углубление внутренней дифференциации отдельных этносов на основе родоплеменных структур;

– обострение внутренних противоречий, усиление борьбы за власть, активизация клановости;

– рост социальной дифференциации и разделения труда по этническому признаку;

– усиление социальных дистанций между представителями титульных и иных этнических групп по признакам представительства в органах власти, доступа к образованию и другим социальным благам.

Важно обратить внимание на то, что сразу после суверенизации отдельных регионов Сибири в форме республик не только в повседневной управленческой практике, но и в законодательстве многих из них отразилась четкая ориентация не на равноправие народов, а на безусловный приоритет интересов титульных этносов. В одной из статей настоящего выпуска журнала этот процесс подробно анализируется применительно к Туве (Тарбастаева, 2016: Электр. ресурс).

Роль миграций в современной этносоциальной динамике Сибири

Прежде чем коснуться современной ситуации по заданной проблеме, обратим внимание на то, что миграция (внутренняя и внешняя) всегда играла важную роль в формировании этнокультурной мозаики Сибири и ее этносоциальном развитии. Не углубляясь в древнюю историю, отметим, что с момента присоединения Сибири к России в XVI в. определяющее значение для развития коренных народов принадлежит взаимодействию с русским населением, которое по своей численности стало здесь преобладать над коренным уже в конце XVII в. (История Сибири, 1968: 56). На протяжении веков в Сибири рядом друг с другом живут народы, находящиеся на самых разных ступенях исторического развития. Еще со времен Российской империи была принята мудрая концепция (как бы мы сейчас сказали) национальной политики в регионе: не сильно вмешиваться в образ жизни местного населения, но при этом обеспечить всем защиту, ввести всех в единое правовое поле. Власть действовала по принципу «Интеграция без ассимиляции», который в настоящее время является востребованной и желаемой, но часто недостижимой во многих регионах мира формулой общежития. И такая политика дала результат — коренные народы Сибири включились в процесс развития государственности России, стали ее частью. Но при этом не чувствовали себя ущемленными в плане своей самобытности. В результате отсутствовала почва для устойчивых массовых конфликтов на национальной почве.

Интенсивное промышленное освоение Сибири в советский период было связано с активной миграцией сюда людей разных национальностей из многих регионов СССР. Современный облик Сибири — как социально-экономический, так и этнокультурный — во многом продукт миграционных процессов. В частности, под их влиянием Сибирь стала гораздо более многонациональной, чем большинство других регионов России. При этом в целом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и в настоящее время отличается относительной стабильностью и отсутствием открытых межнациональных конфликтов.

Комплекс вопросов, характеризующих современные тенденции развития этносоциальных процессов в Сибири, подробно рассматривался нами ранее совместно с Е. А. Тюгашевым в ряде публикаций (Попков, Тюгашев, 2014: Электр. ресурс; Этносоциальные процессы и этнонациональная ... , 2015: 106–129). Здесь остановимся на некоторых, наиболее значимых моментах.

Особенностью сибирского этнокультурного массива является сохранившееся вплоть до настоящего времени и отмечавшееся ранее доминирование русского населения. Так, согласно официальным данным, в начале XX в. доля русских в Сибири составляла 75% всего населения, а последние переписи (1989, 2002 и 2010 гг.) фиксируют ее неизменность на уровне 84%. Общая численность русских составила здесь в 2010 г. около 25,1 млн человек, а число представителей коренных народов в совокупности равно 2,2 млн.

В отдельных регионах Сибири доля русского населения за последние три десятилетия претерпела изменение. Увеличение численности русских имеет место, например, в таких субъектах федерации, как Алтайский край (с 1979 по 2010 гг. доля русских увеличилась здесь с 89,6 до 93,9%), Омская область (с 80,3 до 85,8%), совсем незначительно увеличилась их доля в Республике Хакасия (с 79,4 до 81,7%), в Ямало-Ненецком автономном округе (с 59,0 до 61,7%). Вместе с тем в этот период доля русского населения устойчиво снижалась в большинстве национальных образований: в республиках Алтай (с 63,2 до 56,6%), Бурятия (с 72,0 до 66,1%), Тыва (с 32,0 до 16,3%), Саха (Якутия) (с 50,4 до 37,8%), в Ханты-Мансийском автономном округе (с 74,3 до 68,1%).

Тем самым можно зафиксировать процесс территориального сжатия русского населения, что обусловлено, главным образом, миграционными процессами. Причем, здесь действует две основные тенденции: уменьшение доли русских в депрессивных и экономически неблагоприятных регионах происходит главным образом за счет выезда русских оттуда, а в экономически благополучных регионах — за счет более активной миграции сюда представителей других этнических групп, прежде всего из республик Кавказа, Средней Азии и др.

Сжатие русского массива сопровождается увеличением численности многих коренных народов Сибири. Так, с 1989 по 2010 гг. численность якутов (в границах России) увеличилось с 380,2 тыс. человек до 478,1 тыс., бурят — с 417,4 до

461,4 тыс., тувинцев — с 206,2 до 263,9 тыс., ненцев — с 34,2 до 44,6 тыс., эвенков — с 29,9 до 38,4 тыс., хантов — с 22,3 до 30,9 тыс., манси — с 8,3 до 12,3 тыс. В то же время для некоторых народов характерно сокращение численности. Это касается хакасов и ряда малочисленных народов Сибири — ительменов, камчадалов, кереков, нанайцев, нганасан, удэгейцев, чуванцев, энцев и др.

Для большинства представителей коренных народов Сибири характерно компактное расселение в местах их традиционного проживания, в пределах своих национально-территориальных образований. Данное обстоятельство облегчает возможность этнической мобилизации этих народов и является важным политическим фактором этносоциального развития современной Сибири. При этом доля представителей титульных народов в составе населения соответствующих республик в последнее время заметно растет (в 2010 г. доля бурят достигла 30%, алтайцев — 33,9%, якутов — 49,9%, тувинцев — 82%; доля хакасов, при том, что она является в целом небольшой, достигла 12,1%). Налицо тенденция «титулизации» населения, которая свойственна многим национальным республикам других регионов России, в частности, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

В Сибири данная тенденция наиболее выражена в Республике Тыва. Об этом красноречиво говорят цифры, отражающие долю тувинцев в общей численности населения. Можно привести и другие данные. Как отмечает В. С. Кан, если перепись 2002 г. зафиксировала в республике представителей 112 национальностей, то в 2010 г. — только 87. Тувинцы составляют 99% жителей в 11 из 17 районов республики, где почти все они не знают русского языка, говорят только на тувинском. Это создает основу для этнической замкнутости, а незнание русского языка существенно ограничивает для многих тувинцев возможности социальной мобильности и карьерного роста. Автор делает важный вывод: активный отток русских из Тувы, продолжающийся до сих пор, «не только отражает остроту социально-экономических проблем, но и усугубляет их» (Кан, 2015: 131–132).

Несмотря на относительно спокойный межэтнический климат, исследователи фиксируют наличие в Туве латентной напряженности в отношениях между представителями двух основных этнических групп — тувинцами и русскими. Главными факторами этой напряженности признаются социально-экономические проблемы (Анайбан, Балакина, 2015: 93). Интересными представляются также результаты исследований (представленных и в настоящем выпуске журнала), которые свидетельствуют о разной степени и характере адаптации тувинцев и русских Тувы к рыночной экономике (Балакина, Кылгыдай, 2015; Балакина, Кылгыдай, 2016: Электр. ресурс).

Важно обратить внимание на еще одну важную тенденцию, а именно: возрастание доли тюркского и сокращение славянского этнодемографического компонентов в общей численности населения Сибири. Так, проведенный нами анализ

данных последних переписей населения (начиная с 1989 г.), касающихся динамики этнической структуры республик и автономных округов Южной Сибири и Республики Саха (Якутия), показал следующие характерные изменения:

- снижение общей численности и доли представителей славянских этносов,
- рост численности представителей тюркских народов,
- увеличение численности и доли всех титульных этносов в соответствующих национальных образованиях,
- заметное увеличение численности представителей тюркских этносов, имеющих собственные государства за пределами России (например, численность азербайджанцев увеличилась более чем в 3,5 раза).

Если доля славян во всех данных регионах на протяжении 1970–1980 гг. стабильно удерживалась на уровне 64–65%, а тюрков — 32–33%, то в 2002 г. их доли были равны соответственно 60 и 40 %. За период с 1989 по 2002 гг. славян уменьшилось, а тюрков увеличилось примерно на 7% (подробнее см.: Попков, Тюгашев, Костюк, 2006). В дальнейшем эта тенденция сохранилась.

Этносоциальная ситуация и этнонациональная политика в оценках населения и экспертов

Изменение этнической структуры Сибири определяется не только внутрирегиональными, но и внешними миграциями, основной поток которых после распада СССР идет из регионов Кавказа и Средней Азии. Активные миграционные процессы в постсоветский период оказали существенное влияние на этносоциальную ситуацию в регионах Сибири. Произошел рост уровня полиэтничности не только в масштабах всего макрорегиона, но и на локальном уровне. В последнем случае это касается тех территорий и конкретных населенных пунктов, которые являются привлекательными для мигрантов. Изменилась привычная этническая структура, усилилась тенденция к расселению и концентрации людей в сфере занятости по этническому признаку. Усложнились межэтнические контакты, усилилась напряженность в межэтнических сообществах. Как показывают результаты наших исследований в разных регионах Сибири, именно с мигрантами местные жители связывают имеющие место факты межэтнической напряженности.

Так, сравнительный анализ результатов проведенных в 2013–2014 гг. под общим руководством автора массовых и экспертных опросов (организатор массового опроса — Е. А. Ерохина) по вопросам этносоциального развития и этнонациональной политики в отдельных регионах Сибири — Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Новосибирской области и Республике Алтай (всего опрошено более 2 тыс. чел.) — выявил ряд важных особенностей и тенденций:

- 1) разную степень остроты межнациональных отношений в регионах;

- 2) неблагоприятную динамику этих отношений в оценках массового и экспертного сознания;
- 3) миграционные процессы как один из главных факторов напряженности;
- 4) более низкий уровень благополучия в социальном самочувствии местного населения, прежде всего русских, по сравнению с приезжими;
- 5) преимущественно недоброжелательное отношение принимающего сообщества к мигрантам;
- 6) признание большинством опрошенных необходимости мер по ограничению притока мигрантов в их регионах.

Следует отметить, что исследования подтвердили зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития конкретного региона и его социальной привлекательности. В условиях свободной (стихийной) территориальной мобильности чем выше общий уровень благосостояния в регионе и его социальная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию.

В нашем случае самым беспокойным в сфере межэтнических отношений оказался наиболее развитый в социально-экономическом отношении регион — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Именно здесь в большей мере проявляются все обозначенные выше проблемные зоны. Например, свыше 60% опрошенных негативно оценивают динамику межнациональных отношений в округе в последнее время и 43% прогнозируют рост напряженности в будущем. Относительно высоко оценивается и уровень конфликтности этих отношений, особенно в городе Сургуте. А среди причин межэтнической напряженности самой основной признается приток мигрантов. Главным образом с мигрантами связывается в округе и наличие национального вопроса. Новосибирская область отличается чуть меньшей степенью социального напряжения. В отличие от них в Республике Алтай иная ситуация. 60% опрошенных считают, что межэтнические отношения в регионе стабильные и за последние 2–3 года не изменились. Многие говорят о низком уровне конфликтности этих отношений, а приток внешних мигрантов не рассматривается в качестве значимой причины межэтнической напряженности. Здесь гораздо более весомой проблемой считается внутренняя миграция из села в город, точнее говоря, в Горно-Алтайск как единственный город в республике, а также борьба различных кланов за престижные места в органах власти. Русские респонденты выражают озабоченность непропорционально высоким представительством алтайцев в республиканских структурах управления (согласно данным последней переписи,

русских в республике 57% от общей численности населения, алтайцев — 34%, но в органах власти последние, по экспертным оценкам, составляют примерно 60%). Важным фактором межэтнической напряженности являются выборы, во время подготовки к которым многие претенденты в ходе своей предвыборной кампании пытаются разыгрывать «этническую карту» (подробнее по этим и другим вопросам заявленной теме см: Этносоциальные процессы и этнонациональная..., 2015).

Заметим, что другие исследователи также фиксируют в качестве проблемы доминирование представительства титульного этноса в важных, прежде всего, правительственных структурах власти Республики Алтай (Эшматова, 2015: 124). Эта проблема существует также в других регионах (Очирова, 2013: 183–187). Подробный анализ формирования политических элит в республиках Бурятия, Тыва и Саха (Якутия) анализируется в статье В. М. Очировой (Очирова, 2016: Электр. ресурс), а этнонациональной политики в республике Алтай — С. А. Мадюковой и О. А. Персидской в данном номере журнала (Персидская, Мадюкова, 2016: Электр. ресурс).

Сделаем акцент на том, что обострение межнациональных отношений не всегда связано с интенсивным притоком мигрантов в данный регион по причине его социально-экономического благополучия. Пример Тувы показывает обратную зависимость — рост напряженности в депрессивном регионе, не являющемся привлекательным для мигрантов. Однако и в данном случае напряженность напрямую касается миграционных процессов, но уже противоположной направленности — активного оттока русских из республики. Стимулируемые этим оттоком «титулизация» тувинцев и понижение статуса русских негативно влияют на их социальное самочувствие, вызывая разного рода недовольства и неудовлетворенность.

Таким образом, можно сделать вывод, что интенсивные миграционные процессы, будь то приток или отток населения, негативно влияют на состояние отношений в межэтническом сообществе, поскольку механизмы адаптации людей к новой, быстро меняющейся этносоциальной ситуации, не могут перестраиваться мгновенно.

Далее обратим внимание на некоторые результаты специального экспертного опроса, ежегодно проводимого автором с 2011 г. среди государственных и муниципальных служащих из разных субъектов федерации Сибирского федерального округа, представляющих структуры управления, отвечающие за национальную политику, межнациональные отношения, связи с общественными организациями (всего опрошено более 120 чел.). Опрос проводился во время курсов повышения квалификации по вопросам национальной политики, которые организованы Сибирским институтом управления Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской

Федерации (г. Новосибирск).

В целом можно говорить об уменьшении за последние пять лет количества критических оценок разных аспектов этносоциальной ситуации и актуальных проблем национальной политики в Сибирском федеральном округе. Если в 2011–2013 гг. многие респонденты склонялись к негативному восприятию динамики соответствующих процессов, то опрос 2015 г. дает основание для вывода о некоторой стабилизации этносоциальной ситуации в отдельных регионах Сибири, как она представляется данной группе экспертов. Например, в оценке динамики межэтнических отношений за последние 2–3 года 46% опрошенных отмечают их стабильность, неизменность, 25% — их улучшение и только 14% — ухудшение. Среди опрошенных в 2016 г. только 4 % фиксируют ухудшение ситуации. В то же время многие проблемы продолжают оставаться актуальными. Отметим наиболее значимые из них.

По оценке экспертов, главные изменения в этносоциальной ситуации в их регионах касаются увеличения доли мигрантов и концентрации людей по этническому принципу на работе, в отдельных отраслях. В 2016 г. более половины из них отметили улучшение межэтнических отношений. Среди основных причин, которые вызывают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей, называются значительное увеличение доли мигрантов, уменьшение социальной защищенности населения и несовершенство национальной политики. Единицы экспертов зафиксировали в целом положительное отношение населения к мигрантам в своем регионе. Наиболее важные причины негативного отношения местного населения к мигрантам связываются с изменением привычной этнической структуры под влиянием миграционных процессов и с нежеланием (или неумением) этнических мигрантов адаптироваться к местным условиям. В вопросе о том, в каких сферах и по какому поводу могут возникать проблемы и конфликты на национальной почве, эксперты выделяют главным образом повседневную бытовую жизнь, молодежную среду, места компактного проживания мигрантов и разборки этнических криминальных групп, борьбу за власть во время подготовки к выборам.

Проводимая государственная национальная политика в настоящее время, то есть спустя более двух лет после принятия Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2015 г. и региональных планов мероприятий по ее реализации, а также утверждения федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», по-прежнему оценивается в основном как не всегда последовательная и эффективная, причем это касается и федерального, и регионального уровней управления. Среди наиболее значимых дополнительных мер по совершенствованию национальной политики, которые органам власти следует предпринять на уровне своих регионов, эксперты называют укрепление кадрового состава и повышение квалификации работников соот-

ветствующих подразделений, увеличение финансирования на решение задач национальной политики, укрепление связи органов власти региона и местного самоуправления, а также координацию деятельности разных подразделений органов власти.

Престиж власти, этническая и гражданская идентичность (вместо заключения)

В условиях наблюдаемых в 1990-е гг. резкого снижения степени организованности социальных отношений, фрагментации отдельных сфер жизнедеятельности и деградации систем социального управления, этническая принадлежность людей превратилась если не в единственный, то наиболее субъективно значимый фактор, гарантирующий определенный уровень социальной защищенности человека.

Отмеченные выше конкретные этносоциологические исследования 1999–2001 гг. зафиксировали четко выраженную тенденцию роста этнического самосознания и оживления интереса представителей разных народов к традиционным культурам на фоне деградации материальных основ существования основной массы населения и повсеместного недоверия к власти, очевидного падения ее престижа. Уже тогда мы прогнозировали в качестве одного из серьезных последствий данной тенденции снижение уровня гражданской идентичности, ослабление общегражданского единства. К сожалению, этот прогноз оказался реальностью: в последнее время представители органов власти открыто заговорили о кризисе гражданской идентичности. Этот факт зафиксирован, в частности, в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», принятой вскоре после утверждения в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегии).

Проблема, однако, в том, что власти не связывают кризис гражданской идентичности со своей деятельностью, с недоверием к власти со стороны населения. Как результат порой предпринимаются не вполне оправданные действия для преодоления проблемной ситуации. Так, в качестве главной задачи национальной политики и главной меры укрепления гражданского единства сразу после известных событий на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. провозглашалась пропаганда гражданской нации и гражданской идентичности. Эта задача вполне соответствует логике конструктивистской концепции нации, однако может рассматриваться как неадекватная, если исходить из иной (объективистской) методологической установки в понимании нации-государства. На самом деле одной пропаганды здесь совершенно недостаточно. Требуется кропотливая, ответственная, продуманная работа органов власти по формированию (которое должно опираться на другой механизм, чем просто пропаганда) гражданской нации и гражданской

идентичности на основе повышения общего благополучия населения страны.

Другой важный вопрос, который возникает в связи с проблемой идентичности — о соотношении разных ее видов, прежде всего, гражданской и этнической. Характерно, что в Стратегии речь идет лишь о гражданской идентичности, укрепление которой выделено в качестве ее центральной целевой установки. Об этнической идентичности в Стратегии даже не упоминается, подспудно же она оценивается как неодобряемое, негативное явление.

Очевидно, что такие установки питаются представлением о том, что оживление этничности негативно влияет на уровень гражданской идентичности и выступает фактором нарастания межэтнической напряженности и конфликтогенности социального бытия. Отдельные факты такой зависимости существуют, однако надо иметь в виду, что зависимость эта, как правило, не прямая, а опосредованная — ситуация обостряется, когда не решаются социальные, экономические и политические проблемы. В конечном итоге усиление этнического компонента в системе детерминант современного общественного развития является не причиной, а проявлением, индикатором нарастания в нем кризисных явлений.

Жесткой зависимости нет и между ростом этнической идентичности и обострением межэтнических отношений. Этот факт убедительно показал Ю. М. Аксютин в статье, публикуемой в данном номере журнала. На основе анализа материалов проводившихся в регионах Южной Сибири этносоциологических исследований, он делает вывод о том, что актуализация этнической идентичности оказывала ранее и продолжают оказывать в настоящее время определенное, но не определяющее воздействие на межэтнические отношения. Гораздо более значимыми факторами межэтнической напряженности являются, по его мнению, как раз факторы экономические, политические, социальные (Аксютин, 2016: Электр. ресурс).

В современных условиях от деятельности органов власти во многом зависит поддержание гармоничного сочетания гражданского согласия и позитивной этнической идентичности. Одних радио- и телевизионных передач и конкурсов журналистов, на что часто ориентируются чиновники, здесь совершенно недостаточно. Нужны серьезные изменения в экономической и социальной политике в интересах основной массы населения и создание таких условий, при которых люди могли бы гордиться и тем, что они являются представителями конкретных этнических общностей, и своей гражданской принадлежностью. Немаловажную роль играет здесь высокий уровень престижа власти как одного из оснований для формирования гордости людей за свою страну и государство, их подлинной гражданственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксютин, Ю. М. (2016) Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (дата обращения: 31.05.2016).

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2015) Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социологические исследования. № 8. С. 93–99.

Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч. (2016) Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/95> (дата обращения: 31.05.2016).

Бромлей, Ю. В. (1987) Этносоциальные процессы: теория, история современность. М.: Наука. 336 с.

Бромлей, Ю., Подольный, Р. (1990) Человечество — это народы. М.: Мысль. 391 с.

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Изд-во «Нонпарель». 288 с.

Дробижева, Л. М. (2005) Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / отв. ред. М. Н. Губогло. М. : Наука. 406 с. С. 14–25.

История Сибири с древнейших времен до наших дней (1968) : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. Л. : Наука. Т. 2. 458 с.

Кан В.С. (2015) Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 231 с. С. 128–133.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители СПб. : Алетейя. 208 с.

О секторе [Электронный ресурс] // Сектор этносоциальных исследований ИФПР СО РАН. URL: <http://teslatec.ozonhost.ru> (дата обращения: 15.04.2016).

Очирова В. М. (2016) Механизмы формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы) [Элек-

тронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (дата обращения: 31.05.2016).

Очирова, В. М. (2013) Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета. 512 с.

Персидская, О. А., Мадюкова, С. А. (2016) Модель современной этнонациональной политики в Республике Алтай [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/101> (дата обращения: 31.05.2016).

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. (2014) Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 12.03.2016).

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2009) Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социологические исследования. № 3. С. 93–101.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А., Костюк, В. Г. (2006) Современные этносоциальные процессы у народов Евразии: теория, методология, практика // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 7 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство. 230 с. С. 12–31.

Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР (1973) / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М. : Наука. 332 с.

Тарбастаева, И. С. (2016) Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991– наст. вр.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения: 31.05.2016).

Тува за 80 лет (2001) / Юбилейный статист. сборник. Кызыл : Тывастат.

Хантингтон, С. (2008) Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер с англ. А. Башкирова. М. : АСТ; АСТ МОСКВА. 635 с.

Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов (1995) / под общ. ред. Ю. В. Бромлея, С. И. Вайнштейна; отв. ред. выпуска В. И. Козлов. М. : ИЭА РАН. Вып. 6. 216 с.

Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири (2015) / под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 273 с.

Эшматова, Г. Б. (2015) Специфика современной этносоциальной ситуации в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 231 с. С. 120–127.

Дата поступления: 15.05.2016 г.

REFERENCES

- Aksiutin, Yu. M. (2016) Vliianie transformatsii struktury identichnostei zhitelei regionov postsovetskoi Rossii na kharakter mezhetnicheskikh otnoshenii (na primere Tuvy, Khakasii, Altaia). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).
- Anaiban, Z. V. and Balakina, G. F. (2015) Dinamika mezhetnicheskikh otnoshenii i etnicheskikh stereotipov v Respublike Tyva. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 93–99. (In Russ.).
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve*, ed. L. V. Korel'. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2016) Osobennosti adaptatsii etnicheskikh grupp Tuvy k rynochnoi ekonomike. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/95> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).
- Bromlei, Yu. V. (1987) *Etnosotsial'nye protsessy: teoriia, istoriia sovremennost'*. Moscow, Nauka. 336 p. (In Russ.).
- Bromlei, Yu. and Podol'nyi, R. (1990) *Chelovechestvo — eto narody*. Moscow, Mysl'. 391 p. (In Russ.).
- Goncharova, G. S. and Savel'ev, L. Ia. (2004) *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy*, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo «Nonparel'». 288 p. (In Russ.).
- Drobizheva, L. M. (2005) Etnosotsiologiia segodnia. Problemy metodologii mezhdistsiplinarnykh issledovaniia. In: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii: Sbornik v chest' Yurika Vartanovicha Arutiuniana*, ed. M. N. Guboglo. Moscow, Nauka. 406 p. Pp. 14–25. (In Russ.).
- Istoriia Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei* (1968) : in 5 vol., ed. A. P. Okladnikov. Leningrad, Nauka. Vol. 2. 458 p. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2015) Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiia Tuvy. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*: Vol. 10, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 231 p. Pp. 128–133. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).
- O sektore. *Sektor etnosotsial'nykh issledovaniia IFPR SO RAN* [online] Available at: <http://teslatec.ozonhost.ru> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).
- Ochirova, V. M. (2016) Mekhanizmy formirovaniia politicheskikh elit polietnicheskikh regionov Rossii (na primere Buriatii, Sakha (Iakutii) i Tuvy). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).

Ochirova, V. M. (2013) *Politicheskie elity polietnicheskikh regionov v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva*. Ulan-Ude, Izd-vo Buriatskogo gosuniversiteta. 512 p. (In Russ.).

Persidskaia, O.A. and Madiukova, S.A. (2016) Model' sovremennoi etnonatsional'noi politiki v Respublike Altai. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/101> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2014) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: sovremennye realii i aktual'nye voprosy etnonatsional'noi politiki. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html (access data: 12.03.2016). (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2009) Predmet etnosotsiologii: opyt kontseptualizatsii. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 93–101. (In Russ.).

Popkov, Yu.V., Tiugashev, E.A. and Kostiuk, V.G. (2006) Sovremennye etnosotsial'nye protsessy u narodov Evrazii: teoriia, metodologiya, praktika. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*: Vol. 7, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. 230 p. Pp. 12–31. (In Russ.).

Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR (1973), ed. Yu. V. Arutiunian. Moscow, Nauka. 332 p. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2016) Pravovoe pole etnonatsional'noi politiki v Respublike Tyva (1991–2016 gg.). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).

Tuva za 80 let (2001) Iubileinyi statist. sbornik. Kyzyl, Tyvastat. (In Russ.).

Huntington, S. (2008) *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti*, transl. A. Bashkirov. Moscow, AST; AST MOSKVA. 635 p. (In Russ.).

Etnicheskie i etnosotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh poniatii i terminov (1995), ed. Yu. V. Bromlei, S. I. Vainshtein; issue ed. V. I. Kozlov. Moscow, IEA RAN. Vol. 6. 216 p. (In Russ.).

Etnosotsial'nye protsessy i etnonatsional'naiia politika v regionakh Sibiri (2015), ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 273 p. (In Russ.).

Eshmatova, G. B. (2015) Spetsifika sovremennoi etnosotsial'noi situatsii v Respublike Altai. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*: Vol. 10, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 231 p. Pp. 120–127. (In Russ.).

Submission date: 15.05.2016.

Библиографическое описание статьи:

Попков Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Popkov Yu. V. Ethnosocial processes in Siberia: Topical issues of theory and practice. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (accessed: ...).